

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Вагим ДЕНИСОВ

АНТИБУНКЕР НАВИГАЦИЯ

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д33

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована
работа художника *И. Хивренко*

Денисов, Вадим.

Д33 Антибункер. Навигация : [фантастический роман] / Вадим Денисов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-699-94714-0

Он всю жизнь мечтал оказаться на островах Фиджи в Тихом океане. Мечтал, планировал, копил деньги, но вместо этого ему пришлось выживать в родной стране, как и другие, разрушенной ядерным Апокалипсисом. Теперь «Фиджи» — это его любимый схрон, который он готов защищать от людоедов-«синяков» и обычных мародеров любой ценой..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94714-0

© Денисов В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

В формате введения в проблему

Фрагмент аудиозаписи лекции Дарьи Алексеевны Закревской «Исторический обзор и современное положение дел с навигацией по Северному морскому пути».

Дом культуры посёлка Подтёсово.

Спрашивающие не идентифицировались, в аудиозаписи слышны неразборчивые голоса и выкрики из зала.

— Все готовы, расселись? Начнём. Итак! Издавна Норильские залежи притягивали промышленных и торговых людей. Только не подумайте, товарищи, что первыми из них были близкие нам по времени комсомольцы или бывшие выходцы из Поморья, потомки новгородских ушкуйников. Первыми стали неизвестные металлурги IX—IV веков до нашей эры, следы деятельности которых были исследованы археологом Хлобыстиным. Бронза плавилась прямо на местности, под открытым небом в тиглях. Необходимо учесть, что климат был другой — в те далекие тысячелетия на Таймыре главенствовала не тундра, граница тайги проходила на несколько сот километров севернее нынешней. Секунду. Если кому-то моя лекция неинтересна, то нужно тихо выйти из зала, договорились? А я доложу руководству.

/семь секунд паузы/

— Металлурги были профессионалами, они не разменивались на охоту и рыбалку, и всё нужное получали меновой торговлей. Затем климат изменился, на месте тайги появилась тундра, и они ушли на юго-запад, так как на том уровне технического развития было невозможно наладить производство и проживание в климате изменившегося Заполярья. Норильская бронза всплывала в тагенарских культурах на юге края. Это и карасукские, фёдоровские, тагарские и хуннские бронзы, бронзы, найденные в южно-среднеазиатских оазисах. Очень может статься, что и хараппские, шумерские и даже микенские бронзы отчасти обладают таким же уникальным составом. Далее мы имеем археологическую лакуну. Кто пользовался россыпями норильских месторождений? Неизвестно. Можно предположить, что в один из промежуточных периодов плавку бронзы освоили на Енисее загадочные предки народа кето.

— Кеты могли, я жил среди них три года!

— Да-да, конечно.

— Странные они.

— Давайте продолжим. Великие переселения народов, миграции кочевников, создание и распад империй хунну и монголов начисто перерезали бывшие связи Юг — Север. Приходили новые народы с новыми культурами. Железный век постепенно приходил на смену бронзовому, и для всплеска сбыта меди понадобилось появление огнестрельного оружия. Тогда норильская бронза опять появилась — в Мангазее. Понятно, что руду добывали не сами русские, они лишь покупали её. Первых землепроходцев больше интересовали мягкая рухлядь и моржовые клыки. За ними шли стрельцы, а позже казаки, облагающие местное население царской податью — ясаком. В самом начале XVII века землепроходцы основали городок Мангазею, который стал опорным пунктом освоения Приенисейского края. К тому времени мангазейские мастеровые плавил в примитивных печах медь из норильского месторождения. Кто же им её привозил? Местные племена, больше некому. Три домашних северных оленя, впряжённые в

нарты, могут тянуть пятнадцать пудов руды. Так что желающие заработать наверняка нашлись, тут можно смело проводить аналогию с современной металlosкупкой.

— Потом Старую Мангазею закрыли, я книгу читал, центр перенесли в Новую Мангазею, под Туруханск!

— Совершенно верно. Казалось бы, так только ближе! Но ничего подобного, медь из Норильска поступать перестала, и в Новой Мангазее бронзу уже не плавил. Опять провал, связанный, скорее всего, со сложностями логистики и большими издержками. Так что в следующий раз подземными кладовыми енисейского Севера предприниматели всерьез заинтересовались лишь в XIX веке. В освоении российского Севера большую роль играли два ключевых, на мой взгляд, фактора: безусловно, климат и, как это ни покажется странным, иностранцы. Интерес к Северо-восточному проходу — морскому пути в Китай и Индию вокруг севера Евразии — возник давно, впервые такую мысль высказал русский дипломат Герасимов, а первый корабль, причём английский, отплыл в поисках этого пути, вероятно, ещё в 1527 году. После этого энергичные поиски Северо-восточного прохода длились около века, но затем на двести пятьдесят лет всё замерло. И только Чичагов с Ломоносовым попытались вернуться к оставленной идее. При освоении землепроходцами северных берегов вообще была характерна такая картина: быстрое продвижение, которое вскоре прекращалось... Почему так?

— Энтузиастов не хватало!

— Может быть. Но обоснованного фактами объяснения этому дано не было, и даже академик Визе лишь повторял за остальными: «Причина столь резкого упадка мореплавания по Сибирскому морю, несомненно, экономического порядка». Это была распространённая версия упадка Златокипящей Мангазеи — мол, виной тому стали политика Москвы, притеснение от местных воевод и истощение охотничьих угодий. Но такое случалось везде, однако нигде, кроме арктических морей, не приводило к полному прекращению всякой деятельности.

Была какая-то особая причина. Она выяснилась только в наше время — это так называемый Малый ледниковый период, то есть общее похолодание Севера, длившееся с конца XV до начала XIX века. Средневековое потепление, максимум которого пришелся в Гренландии на VIII—X вв., в Исландии — на XI—XII вв., а в Англии — на XII—XIII вв., сменилось похолоданием, двигавшимся на восток. Потом опять теплеело. Сначала плавать перестали викинги, затем уже и Англия оказалась страной рискованного земледелия, позже закрылись Карское море и Обская губа, а спустя ещё сто лет стала несудоходной Восточная Арктика. Палеоокеанолог Дюплесси видит причину в изменении типа циркуляции вод Мирового океана.

— Вы имеете в виду остывание Гольфстрима, Дарья Алексевна?

— Именно это, да.

— Как сейчас?

— Нам трудно на этот вопрос ответить однозначно, ведь у нас нет точной информации, однако по результатам изменения ледовой обстановки в Ледовитом океане перед войной именно это и можно предположить, кораблям всё чаще требовалось сопровождение ледоколами. Текущие тёплые зимы в Центральном и Южном Таймыре не гарантируют дальнейшего потепления.

— Ясно, извините, что перебил.

— Ничего страшного. Малый ледниковый период даёт ответ на загадки и норильской металлургической истории, объясняя, почему всплески металлургии дискретны и почему в XVII—XVIII веках многие ключевые места, прежде густо заселённые, стали необитаемыми. То, что ранее воспринималось историками как первые шаги людей в необжитые области, ныне видится последним усилием людей удержаться на землях, ставших непригодными к обитанию после резкого похолодания. А ведь в Заполярье жили и работали... Иначе как объяснить наличие Оби, Таза, Енисея, Западного Таймыра и даже Северной Земли на некоторых картах XVI века? Иностранных,

замечу! Анализ карт с использованием палеоклиматологии позволяет признать факт раннего открытия Северной Земли, до похолодания можно было проплыть от Шпицбергена к Северной Земле и пройти дальше к Енисею. На карте 1508 года, найденной Норденшельдом, контур арктического побережья рисует вполне узнаваемые Ямал, Обь с Обской губой, Гыдань, Енисейский залив и западный берег Таймыра. Однако потом начинается «гомериада»: берег не загибается от Диксона к востоку, а уходит на север до 80-й параллели. Далее контур берега вообще ни на что не похож.

— У нас в школьном кабинете географии на стенах висят такие старинные карты!

— Что? Спасибо. Карта «Tartaria» из атласа Ортелия 1570 года фрагментарно показывает, что русские названия мест от Кольского полуострова до Оби уже известны Западу. Вытянутый полуостров на месте Таймыра назван Скифским, среди населяющих его племен показаны два колена Израилева — Danogum и Nephthalitarum Chorda, а в середине озеро, которое на северо-восток пересекает река. Это похоже на озеро Таймыр и реку Таймыру, но эти «колена Израилева», что является явной данью древней картографической традиции, оттолкнули серьёзных исследователей. Да и река Таймыра течёт не так и не туда. Зато северный берег полуострова очень похож на часть реального берега Северной Земли. Широта самой северной точки полуострова лишь на четверть градуса разнится у Ортелия от истинной широты мыса Арктического, результат для середины XVI века просто отличный. В случайность такого совпадения поверить трудно.

/хлопанье дверями, кашлянье, извинения за опоздание/

— Ничего-ничего, садитесь, товарищи, поближе. Изданное в 1625 году многотомное собрание Пёрчеса «Пилигримы» содержит сведения о путешествиях в Северный океан, Сибирь и Тартарию. Русские информаторы около 1610 года рассказывали английским купцам о двух различных морских путях из устья Печоры в устье Оби: северном, напрямую через Карское

море, затем вокруг полуострова Ямал, и южном, через реки и волок в средней части Ямала. Географ Берг понял, что речь идёт о различных путях, северном и южном, и отметил климатическую причину их наличия — северный путь был проходим только в периоды потеплений. Таким образом, русские уже около 1580 года плавали поперёк Карского моря — в то время там были такие же благоприятные условия для судоходства, как и в 30-х годах XX века. Поэтому те же «пилигримы» и сомневались в реальности морского пути в Сибирь, а говорили, о доступности, только о пути через Урал — в их время Карское море уже напрочь промерзало... Понимаете, товарищи? Именно похолодание, а не запреты из Москвы, скорее всего, и стали главной причиной гибели Мангазеи. Принято считать, что её сгубил царский указ, запретивший ходить через Ямальский волок, якобы в целях борьбы с возможным проникновением иностранцев. Указ имелся, да только он был излишним, потому что не было самой возможности плавать, крепкие льды сорвали снабжение Мангазеи продовольствием и обменным товаром.

/опять хлопанье входных дверей, недовольное гудение в зале/

— Товарищи, а можно потише? Просто проходите! Извините... Так. На чём мы остановились? Посмотрите на эту карту! Не существует ни единого упоминания о попытках пройти из Карского моря в Обь после 1620 года, несмотря на фактическое отсутствие контроля за волоком. Вскоре служилые люди уже не могли найти место прежнего волока среди снегов Среднего Ямала, не могли найти его и новомангазейские воеводы. Так что специально охранять Мангазейский морской путь не было нужды. Из Новой Мангазеи возить товар южным маршрутом оказалось очень долго, неудобно и дорого. Выгодна была лишь пушнина, тут уже не до бронзы...

— Пушнина и сейчас дороже.

— Умер пушной промысел, склады ещё полны.

/гул в зале, какое-то обсуждение на полминуты/

— Продолжим? Хорошо. На нынешнее потепление первым из русских отреагировал подвижник Севера, купец и член

научных обществ Михаил Сидоров. Он потратил огромное состояние на создание морской торговли с Европой через устья Оби и Енисея, одним из первых разведал и начал добывать на Енисее золото и графит. Финансировал изыскания и экспедиции по Северному морскому пути. Для начала Сидоров написал императору Александру III докладную записку, в которой указал перспективы промышленного освоения Крайнего Севера. В ответ из канцелярии прислали резолюцию генерала Зиновьева: «Такие идеи могут проповедовать только помешанные»... Чиновников убедить не смог, но нескольких капитанов, наших и западных, Сидоров всё же увлёк, и с 1876 года торговля началась. Именно он первым обратил внимание на изменение климатических условий в Арктике и в Карском море. Купец понял, что в Арктике идёт потепление, но учёные это признали только через сто лет. Пинхенсон и Визе, отметив заслуги Сидорова, ничего не сказали о климатологической основе его начинаний. Сидорова можно назвать крестным отцом Северного морского пути. Не получив официальной поддержки, он обратился в Русское географическое общество, но, по мнению академика Бэра, выходило, что Карское море — «ледяной погреб», Фёдор Литке заявил Сидорову, что морской путь к устьям сибирских рек из-за льдов невозможен. А просьба Сидорова была более чем скромна: «Принять от меня денежную сумму в 14 тысяч рублей для премирования того из русских моряков, кто достигнет морем устья Енисея».

— Как всегда, всё губят идиоты!

— Зачем же так резко? Впрочем, в чём-то вы правы... Что стало причиной столь категоричного отказа? Слушаем дальше. В 1862 году Сидоров снарядил экспедицию на «Ермаке» во главе с Крузенштерном-внуком. Как вы помните, «Ермак» раздавило льдами, команда добралась до берега и пересекла Ямал пешком, как, впрочем, и полагалось в этой части того самого старинного мангазейского хода. По совету Литке, уверенного в том, что среди русских нет моряка, способного выполнить подобную задачу, Сидоров ищет таковых в Англии. Однако

англичане при подготовке получают, как бы сейчас сказали, такой отлуп, извините, от губернатора в Красноярске, что Сидорову едва удалось погасить международный скандал. Он ищет опытных мореплавателей в Финляндии, Норвегии, а находит в Швеции — профессора Норденшельда. Подбирает судно, снова обращается в РГО за помощью в снаряжении шведско-русской экспедиции, но снова получает отказ, представляете?

— Сволочи!

— Купив на свои деньги пароход «Святой Георгий», Сидоров сам плывёт к устью Енисея, но местные власти, отказав ему в лоцмане, заставляют его повернуть обратно почти от Енисейского залива. Что же происходит? Экспедиция Норденшельда состоялась, до Енисейска он прошёл благодаря деятельному участию Сидорова. Общество отметило: «Совершилось великое дело! Цель, ради достижения которой в течение целых столетий трудились великие морские нации, была достигнута горстью предприимчивых шведов!» К устью Енисея пришли уже три корабля: «Имер», «Темза» и «Северное сияние», принадлежавшие Сидорову. Так был открыт «ледовой погреб» Карского моря. Поиски прохода возобновились, и в 1878 году Норденшельд неожиданно для всех — но не для Сидорова — прошёл в одну навигацию почти весь путь, обогнув мыс Челюскин и зазимовав у берегов Чукотки. Эту экспедицию сделало возможной именно потепление, товарищи! Михаил Сидоров жертвовал громадные суммы на культурные нужды Севера, но его начинания всегда блокировались. Кому это было выгодно? Мне кажется, что причина происходившего вот в чём... Известно, что Сидоров очень переживал по поводу иностранцев, хозяйничавших на Севере, конфликтовал со всемогущей «Де Бирс» и мощной компанией «Кох-И-Нур» из-за курейского графита, месторождения которого иностранцы просто-напросто собирались прикарманить. Стоит ли удивляться тому, что последние были кровно заинтересованы в избавлении от строптивного русского купца... Тот сетовал, что иноземные суда то и дело появляются в дельтах и реках, скупают сырьё, постоянно ведут незаконный промысел,

торгуют и вывозят, прикрываясь огромными взятками и умелым лоббированием. Иностранцев не нужно было убеждать в факте потепления, вспомните, большинство северных экспедиций — сплошь иноземцы! Сидоров с ними боролся, хотел сам возить богатства в Европу. Но ему не дали.

— Дарья Алексеевна, а вы помните старый чёрно-белый фильм «Начальник Чукотки»?

— Петя, ты бы сел...

— Да подождите вы, мужики! Там всё происходило так же — иностранный торговец, взятки чиновникам, западная предприимчивость и дерзость. Европа, в отличие от России тех лет, всегда была кровно заинтересована в богатствах нашего Севера.

— Вы правы, Пётр, вот только никто из иностранцев не планировал тратить часть этих богатств на освоение региона... Так, идём дальше. Вполне можно предположить, что и норильские руды, точнее — самородки, которые геологи находили у Хараелахских гор и в середине прошлого века, скупали в целях разведки всё те же европейцы, чем не давали местным жителям забыть, где и что у них лежит. Так и продолжалось, пока в России не случились Октябрьский переворот и Гражданская война, которые напрочь отсекали возможность безнаказанного плавания и протекционизма... Правда, купцу Киприяну Сотникову некий эвенк рассказал о норильской руде, но это могло быть случайностью или следствием незабытых знаний местных, а не действиями властей. Купец, как известно, дело организовать не смог, да и государству ничего не было нужно. После тяжелейшего штурма полуострова Великой Северной экспедицией Таймыр на сто лет был забыт наукой. Настолько, что в середине XIX века в столице всерьёз обсуждался вопрос о возможности отдать в аренду европейцам всю территорию, прилегающую к среднему и нижнему течению Енисея, как совершенно бесполезную и лишь обременяющую казну. И только внук Сотникова в докладе «К вопросу об эксплуатации Норильского месторождения каменного угля и медной руды в связи

с практическим осуществлением Северного морского пути» опять поставил вопрос перед расколотым надвое государством. Интересно, что он, оперируя данными экспедиций 1915 и 1919 годов, употребляет вполне сформировавшееся понятие «Норильск», как точное обозначение хорошо известного места! То есть географически Норильск уже существовал до Колчака и большевиков, хотя бы как металлургическая легенда в виде группы построек и удобных мест старых стойбищ. Об этой легенде, как выясняется, тут никогда и не забывали. Кроме того, Сотников отмечает, что возле Норильска проходит важнейший торговый путь! Вот как выходит: благоприятствовал климат и был спрос на медь — люди возили руду в Мангазее к русским или на Енисей к заезжим иностранцам. На юг к киргизам и на восток к якутам. А знали и помнили об этом всегда. Всё определяли лишь возможности сбыта. Их же диктовал климат и, увы, иностранцы. Или сами брали, или нам препятствовали. Лишь этими двумя факторами были обусловлены провалы в поздней истории норильской меди. Конечно, перед войной и эпидемией уровень развития технологий позволяли норильчанам не зависеть от капризов природы, хотя медью и никелем они всё так же торговали на иностранных биржах. Кто же знал, что так получится, и Северный морской путь опять закроется на неопределённое время...

— Но у «Норникеля» же были свои сухогрузы ледового класса! У них ещё под днищем подруливающие колонки такие, как их там...

— Азиподы. Ты же речник, должен знать.

— Точно, Василий Яковлевич! Азиподы.

— Увы, товарищи, сейчас ледовая обстановка такова, что для проводки каравана морем потребуются полноценные ледоколы, атомные. И даже им придётся нелегко. Но, как вы понимаете, большая часть атомоходов, скорее всего, стоит на приколе в далеком Мурманске, хотя какое-нибудь судно вполне может дрейфовать во льдах.

— Да ещё и с незаглушенным реактором, упаси господь!

— Типун тебе на язык, Игорь.

— А я что? Я ничё, просто прикидываю варианты.

— Хорошее бы чего прикинул.

— Разрешите, товарищи, я продолжу? Кроме того, подобное плавание, даже если его удастся осуществить, по сути, представит собой путешествие из одного северного района в другой, в сильно страдавшие Мурманск либо Архангельск... Нет никакой уверенности в том, что удастся организовать снабжение. Есть ли там сообщение с южными районами? Кто этим станет заниматься? Вопросы, вопросы...

— Мужики, вот мне интересно, а почему норильчане не могут по зимникам снабжение организовать? Сперва на Гыдань, а потом и южнее.

— Какие там зимники, Федя, что ты, как ребёнок.. Ни GPS с ГЛОНАССом нету, спутниковых телефонов тоже. Рискованно и очень долго. Малую авиацию угробили в своё время, не возродили, а где теперь лётчиков найти на большой самолёт? Да и не полетишь никуда наобум, так тебя и ждут, ага.

— Выходит, теперь только по Енисею, Василий Яковлевич?

— Выходит, что так, Фёдор, с нашей помощью, если всё получится... Никуда им не деться. Ладно, давайте похлопаем нашему лектору. Когда следующая будет, Дарья Алексеевна?

— Как всегда, в следующую субботу.

— А во сколько?

— Мужики, есть мысль!

— Начинается...

/далее разговор в зале быстро ушёл в сторону, совершенно не касающуюся заявленной темы лекции/